

Чжу Жань спровоцировал эту тенденцию, когда девочка из другого класса приходила к ним в класс в поисках Чэнь Луобай, он получал удовольствие от чужих страданий и громко поддразнивал сзади.

"Чэнь Луобай, здесь другая девочка, решать задачи по математике".

Поскольку это было безобидное поддразнивание, оно давало девушке возможность продвигаться дальше или отступить.

Девочки не обижались, но краснели.

Все они в конечном итоге возвращались с поражением, но история про "решать задачи по математике" каким-то образом стала широко распространенной.

Это началось с их класса, затем в других классах, и к тому времени, как это достигло всей школы, истории каким-то образом претерпели столько изменений, что приобрели совершенно новый смысл.

"Могу ли я решить с тобой задачу по математике?" внезапно заменило «Ты мне нравишься», «Я хочу быть с тобой», «Хочешь попробовать встречаться?» и «Луна прекрасна, не правда ли?»*. (Прим: * поэтический вариант «я люблю тебя») Это стало своего рода новой невысказанной формой признания среди учеников средней школы № 2 в то время.

Превращение обычного предложения во что-то секретное и двусмысленное принадлежало сердцу молодежи.

Это дает им достаточную уверенность.

Вопрос, который можно перевернуть.

Настолько, что даже если бы учитель поймал их на месте, это был бы не более чем «открытый и честный» вопрос.

Но из-за этого ученики, которым действительно нужна была помощь с задачами по математике, не осмеливались задавать этот вопрос одноклассникам противоположного пола.

Даже между представителями одного пола было не «абсолютно безопасно».

Этот искаженный обычай преобладал долгое время.

Он прижился среди девочек, потому что они привыкли быть милыми друг с другом, но среди

мальчиков кто-то иногда забывал, что значение этого предложения изменилось, и задавал вопрос небрежно, и прежде чем девочки перед ними, измученные ежедневной скукой учебы, успевали обернуться, чтобы подшутить, они сначала реагировали, отодвигая в сторону свои парты и стулья с отвращением, немедленно проводя черту «мы невинны».

В результате количество учеников, которые ходили просить совета у учителей математики, возросло как никогда раньше.

Это было особенно заметно во 2-м классе, где и зародился этот трюк.

Учитель математики был настолько сбит с толку, что, в конце концов, не мог не спросить на одном из вечерних занятий: «Что с вами происходит в последнее время?»

Это было в середине ноября, и на следующий день должны были состояться промежуточные экзамены.

К концу осени температура в Наньчэне снова поднялась, днем температура превышала 20 градусов, а вечером превышала 10 градусов. Погода была очень приятной, прохладный осенний ветерок проникал в окна.

Учитель математики — их классный руководитель Гао Гохуа, мужчина средних лет, который может легко переключаться с теплого на свирепый вид.

Задав этот вопрос, он погладил заметно редющие волосы и подозрительно посмотрел на группу подростков в своем классе: «Неужели в последнее время так возрос энтузиазм к изучению математики, что так много людей подходит ко мне, чтобы вместе решать задачи по математике?»

Как только был задан вопрос, класс разразился смехом.

Были в классе те, кто сдерживал свой смех, те, кто смеялся тайно, и те, кто смеялся истерично.

Гао Гохуа указал на того, кто истерично смеялся: «Чжу Жань, встань. Объясни, почему ты смеешься над этим?»

Чжу Жань встал, все еще держась за живот, взглянул на молодого мастера рядом с собой и рассмеялся до слез. Он успокоился, затем серьезно и прямо ответил: «Учитель, я был воодушевлен беспрецедентным энтузиазмом нашего класса в учебе. Я думаю, что наш класс не только сможет сохранить позицию лидера параллели, но и наш средний балл будет на несколько баллов выше, чем у 1-го класса».

Гао Гохуа почувствовал, что что-то тут не так.

Но когда он подумал об этом, он не мог точно определить, что именно.

Он задавался вопросом, почему они так счастливо смеются.

Может быть, просто сыграла роль разница поколений?

Однако его вполне успокоило то, что сказал Чжу Жань, кивнув: «Садись».

Как раз когда Чжу Жань садился, Гао Гохуа увидел, как кто-то слегка потянул стул Чжу Жаня, отодвигая его в сторону.

Прежде чем Гао Гохуа успел предупредить его, Чжу Жань уже шлепнулся на зад.

"Чэнь Луобай, встань".

В тот момент, когда раздались слова Гао Гохуа, большинство учеников в классе с любопытством оглянулись, и Чжоу Анжань, притворяясь, что следует за толпой, тоже повернула голову, чтобы посмотреть на него.

"Что ты делаешь со стулом Чжу Жаня?"

Чжоу Анжань увидел мальчика неподалеку, спокойно держащего в руке "доказательство преступления", маленькую родинку на его запястье было трудно разглядеть из-за расстояния. Он стоял в расслабленной позе, уголок его рта слегка приподнялся, и он небрежно скользнув взглядом по Чжу Жаню, который упал на пол.

"Учитель, он мешает мне изучать математику".

Она не знала, было ли это просто иллюзией, но у Чжоу Анжань появилось ощущение, что он произнес слово «математика» довольно громко.

Возможно, так и было, потому что класс внезапно снова разразился смехом.

Гао Гохуа, который понятия не имел, что Чжу Жань был «зачинщиком» недавнего всплеска энтузиазма по поводу математики, все больше и больше смущался от их смеха.

Но как учитель, он должен был быть немного предвзятым к ученикам с отличными оценками. Вдобавок ко всему, Чэнь Луобай привел очень высокопарное рассуждение, и, зная, что они с Чжу Жанем близки, это, вероятно, было больше шуткой, чем чем-либо еще.

В конце концов, он мог только беспомощно указать на него пальцем: «Сядь, не дурачься во

время самостоятельного обучения».

<http://tl.rulate.ru/book/116199/4648968>